

Особенности рецепции образов Китая кочевниками Забайкалья

А. В. Жуков, А. А. Жукова

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. В статье проводится исследование процессов идейного воздействия Китая на сознание кочевого населения Забайкалья. На основании методов компаративистского анализа авторы раскрывают проблему распространения феноменов культуры, импортируемых из Китая, который, не стремясь навязывать свою идеологию соседям, тем не менее, оказывал на них мифологизирующее воздействие. Используются данные истории, раскрывающие тему идейного влияния Китая на ранних номад Забайкалья, тюрков, киданей, и средневековых монгол. Новизну работы определяет выявление содержательного состава китайских образов, рецепция которых была осуществлена в сознании кочевников Забайкалья, среди которых выделяются образы, связанные с поклонением Небу и обожествленному правителю. Авторы акцентируют внимание на таких альтернативных способах распространения китайских идей, как поддержка маньчжурским правительством Китая некитайских явлений культуры. Результатом работы стало выявление основных алгоритмов распространения китайских образов и идей на территории Забайкалья, среди которых выделяются открытие для «некитайских народов» возможности пользоваться достижениями благ цивилизации Китая и практика поддержки «некитайской религии» – тибетского буддизма. Практическое значение работы состоит в доказательстве положения о том, что при планировании стратегии взаимодействия с Китаем России необходимо учитывать длительный характер существования китайской цивилизации и значительное влияние традиционных аспектов китайской культуры на жизнь народов, окружающих Китай.

Ключевые слова: образы Китая, номады Забайкалья, народная религиозность, этнокультурное взаимодействие, китайское мифотворчество, рецепция китайских идей, межкультурный диалог.

Начиная с последних десятилетий прошлого века, китайское общество переживает период интенсивного развития, что приводит к появлению прогрессивных перемен во внутренней жизни страны и к активизации отношений с внешним миром. Растет уровень мобильности китайцев и увеличивается их интерес к соседним территориям, в частности к России и к Забайкалью. В связи с этим актуальность приобретают вопросы исследований механизмов идейного влияния Китая на окружающие его территории. Нашей целью является проведение диахронического анализа процессов импорта образов Китая этническими сообществами Забайкалья в период до присоединения к Российскому государству. Это представляется важным в плане выявления осо-

бенностей восприятия китайских идей населением приграничных с Китаем регионов, и в частности российского Забайкалья в современную эпоху.

Методологическим основанием исследования являются выводы Л. С. Васильева, согласно которым в основе длительного воздействия Китая на северных соседей лежало два условия. Первым было то, что изоляция китайской культуры никогда не была абсолютной и, несмотря на то, что сложившиеся в Китае образцы мировосприятия, ценностей, поведения в целом являлись результатом развития самодостаточной китайской культуры, она носила относительный характер. Вторым обстоятельством, влияющим на результаты культурных контактов, оказалась значительная по времени непрерывность существования мощной китайской цивилизации, создающей особый контекст, способствующий окитаиванию культурных феноменов, прибывающих в Китай извне или находящихся в зоне влияния Китая. Как пишет Л. С. Васильев, в истории Китай не раз подвергался завоеваниям и нашествиям и испытывал действие процессов разрушения и хаоса, но, несмотря на это, каждый раз он, преодолевая последствия указанных событий, сохранял специфические особенности идентификации, язык, этничность, культуру, государственность, а наоборот, завоеватели, как правило, воспринимали многочисленные китайские заимствования, которые приводили их к ассимиляции [1, с. 8].

На наш взгляд, отмеченные особенности в сфере межкультурного взаимодействия с участием Китая можно проследить на примере народов Забайкалья, которые взаимодействуют с китайской культурой с древнейших времен. Так, В. Е. Ларичев высказал мнение о родстве населения культуры «плиточных могил» Забайкалья с земледельческой культурой эпохи бронзы в Дунбэе, где он прослеживает ряд аналогий, таких как почитание огня, предков, божества неба. При этом большинство исследователей сходятся во мнении о том, что стремление к восприятию идей Китая, как правило, инициировалось самими кочевниками, так как, сохраняя политическую самостоятельность, они зависели от достижений материальной культуры Китая и поэтому вынуждены были поддерживать с ним военные, дипломатические, брачные и торговые контакты [8; с. 33].

Первыми на путь заимствования идей из Китая встали племена хунну, которые благодаря его влиянию впервые создали собственное государство, существование которого напрямую зависело от Китая. И. В. Филиппова пишет, что в номадической среде получили распространение китайские предметы быта и роскоши, конструирование и обустройство городов, поселений, а также погребальных сооружений по китайскому стандарту [11; с. 18]. Стремление жить по китайским стандартам привело к сдвигам в сознании и распространению идей, связанных с китайским способом мировосприятия [6; с. 112]. Среди них особое место заняли идеи, связанные с одной из древнейших китайских концепций, подразумевающей наличие веры в заботу Неба о благосостоянии людей. Кроме этого, распространились общественные ценности, характерные для Китая, такие как почитание предков и вера в тотемистические мифы [10].

Впоследствии эта идеология прочно входит в мировоззренческую систему почти всех кочевых сообществ региона Центральной Азии. Ее влияние испытали многие кочевые племена Забайкалья. Так, у тюрков Забайкалья источники зафиксировали бытование культа Тэнгри (Неба). В этой вере Л. Н. Гумилев увидел влияние Китая, по аналогии с которым тюрки приравнивали собственное мировоззрение с принципами, лежащими в основе государства [3; с. 76]. Древнее монголоязычное население Забайкалья также переосмысляло и использовало китайские идеи. Так, племена сяньби в нач. II в. полагали, что их правитель Таньшихуай является сыном Неба. На развитие таких монгольских племен, как тоба-вэй (IV в.) и кидань (X в.), захватывавших территории Китая, его влияние было столь значительным, что это привело к их частичной культурной ассимиляции [9; с. 480]. Эпоха Чингисхана, сопровождавшаяся завоеванием Китая, продемонстрировала нарастающую идейную зависимость монголов от китайского контекста. Чингисхан в своем государственном строительстве использовал древние традиции, сохранившиеся еще от хунну, с законами аристократии и элементами республиканского народовластия. Человек повинует начальнику не как лицу, а как части божественно установленной иерархической лестницы, подчиняющейся Чингисхану, который правит народом Вселенной по велению Неба [12; с. 10]. В целом приведенные данные дают основания для вывода о том, что государство мон-

голов опиралось на религиозную мифологию, имеющую самые очевидные параллели с древнекитайской мудростью.

Потомки Чингисхана – императоры династии Юань, перенеся столицу в Пекин, в еще большей степени вынуждены были примерять свою религиозность и обычаи монголоязычных подданных к китайскому образцу. В частности, с 1267 г. по приказу Хубилая монголы стали отмечать Новый год в феврале. Во время церемонии они поклонялись Небу и императору как лицу, его представляющему [4; с. 50]. Важно, что все, что было связано с китайским влиянием на обычаи «северных соседей» Китая, у них сохранялось. Напротив, их попытки выбрать самостоятельный путь культурного развития, как например, попытка юаньских императоров сделать тибетский буддизм государственной религией монголов, на тот момент исторического развития продолжения не имела. Результатом такого взаимодействия было создание и закрепление устойчивых элементов культуры, самобытных и нередко специфичных стандартов и стереотипов и, наконец, определенных национальных традиций.

Последующие столетия обозначили стремление монголов к возрождению национальной самостоятельности. Однако в этот период идейное влияние Китая стало более ощутимым [7; с. 81]. Особенно это проявилось, когда сам Китай оказался захвачен маньчжурами, которые, стремясь захватить территории Монголии, считали тибетский буддизм удобным средством регуляции свободолюбивых и мятежных племен. К. М. Герасимова полагает, что создаваемое маньчжурами управление было ориентировано на буддийскую иерархию, которая со своей стороны также на практическом и бытовом уровне стремилась к сращиванию с государственной властью Китая. Согласно мифологеме, которую пыталось распространить маньчжурское правительство, оно якобы являлось творцом культурной традиции монгольских народов, имея отношение к распространению среди них тибетского буддизма. Однако очевидна обратная сторона этого внешнего «попечения» о развитии тибетской и монгольской культур – это подавление национальной независимости с помощью ламаистской иерархии [2; с. 315]. Поддержка тибетского буддизма маньчжурским государством и государства тибетским буддизмом способствовала закреплению этой религии среди монголов. Китайское влияние на содержание данной формы буддизма

приводило к тому, что менялись и обрядовые практики монгольского населения. В частности, в рамках празднования общенационального летнего праздника Надом реактуализуется китайский миф о Небе, дополненный культом Богдыхана, ставшего живым богом – его представителем [5; с. 36]. В целом к рубежу XVII–XVIII вв. культура монголоязычных народов, находившихся вне территорий российской колонизации, развивалась в рамках тибетского буддизма, которому покровительствовали маньчжурские владыки, и который распространял среди населения идеи и мифы китайского происхождения.

Подведем итоги:

1. Геополитические, природные и геологические условия Забайкалья способствовали тому, что начиная с периода первых цивилизаций, население региона поддерживало контакты с земледельческим Китаем, который оказывал прогрессивное воздействие на материальную культуру кочевых племен Забайкалья, стремившихся заимствовать и использовать достижения более развитого соседа. Стремясь скопировать особенности образа жизни и хозяйства китайцев, номады вслед за этим воспринимали идеи, касающиеся социального регулирования, государственного устройства и идеологии. Наиболее известные среди них связаны с поклонением Небу и обожествленному правителю.

2. Так же как и в Китае, религиозная культура его северных соседей с древности является в первую очередь искусством жить в обыденном, наличном мире, который понимался как одушевленный Космос, полноценной жизнью долго и счастливо. В центре внимания населения Китая и Центральной Азии всегда находился человек, коллектив, общество, устройство правильной и упорядоченной жизни на этом свете, которое должно происходить сегодня, сейчас. Тесная взаимосвязь индивида и коллектива, микрокосма личности и макрокосма Вселенной, простых смертных и божеств, равно как и основанный на этой связи идеал социальной и небесной гармонии, синтетического эклектизма, – вот характерные черты формирующегося под влиянием идей Китая типа восприятия мира, который можно охарактеризовать как оптимистический.

3. Альтернативным способом распространения китайских идей в этот период была практика поддержки маньчжурским Китаем так называемой некитайской ламаистской конфессии,

которая принималась монголоязычным населением как в контексте поиска этнических идентификаций и попыток противостоять китайскому влиянию. Вместе с этим необходимо отметить, что, пытаясь взаимодействовать с Китаем на равных, кочевники, проживавшие на территории Забайкалья, не просто копировали образцы китайской мифологии. Напротив, в ряде случаев рецепции китайских идей, таких как культ поклонения Вечно Синему Небу (тэнгрианство) и ламаизм, китайский образец был творчески использован для того, чтобы воспроизвести независимый от Китая духовный конструкт, призванный обеспечить собственную идеологическую легитимацию, которая бы уравнивала их правителей с императором Поднебесной.

Список литературы

1. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М.: Вост. лит., 2001. – 488 с.
2. Герасимова К. М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии / К. М. Герасимова. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006. – 341 с.
3. Гумилев Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – М.: Тов-во «Клышников – Комаров и К», 1993. – 524 с.
4. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н. Л. Жуковская. – М.: Наука, 1988. – 196 с.
5. Кара Д. Культура народов Востока. Книги монгольских кочевников / Д. Кара. – М.: Наука, 1972. – 229 с.
6. Крадин Н. Н. Империя хунну / Н. Н. Крадин. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 312 с.
7. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова [и др.]. – Новосибирск: Наука, 1983. – 239 с.
8. Ларичев В. Е. Неолит Дунбэя и его связи с культурами Северо-Восточной Азии // Археол. сб. – Улан-Удэ, 1959. – № 1. – С. 33–62.
9. Пиков Г. Г. Религиозно-мифологические представления киданей // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Наука, 1998. – Т. 1. – С. 478–488.
10. Попова И. Ф. Танский Китай и Центральная Азия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=264>.
11. Филиппова И. В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Филиппова. – Новосибирск, 2005. – 25 с.
12. Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. / А. Г. Юрченко. – СПб.: Евразия, 2006. – 640 с.

Peculiarities of Chinese Images Reception by Transbaikalian Nomads

A. V. Zhukov, A. A. Zhukova
Trans-Baikal State University, Chita

Abstract. The article presents a research of China image influence on minds of Trans-Baikal nomads. Using comparative analysis methods the authors study spread of culture phenomena imported from China. China didn't intend to impose its ideas on its neighbors, and nonetheless had mythological influence on them. Historical accounts revealing ideological influence of China on early Trans-Baikal nomads (Oghuz, Khitans, Moguls) are used. Novelty of the current study is due to uncovering concept mix of China images received by Trans-Baikal nomads. Among these images worshipping Heaven and a divine ruler are the most notable. The authors emphasize such alternative ways of China ideas spread as support by Munchurian government non-Chinese cultural phenomena. In the result the authors found basic algorithms of spreading Chinese ideas and images on Trans-Baikal territory, among which are possibility for "non-Chinese" people to enjoy comforts that Chinese civilization provided and supporting Tibetan Buddhism being "non-Chinese" religion. Practical importance of the study is the necessity to take into account endurance of China culture and its influence on people living by when planning strategic policy with China.

Keywords: images of China, Trans-Baikal nomads, common people religion, ethnic and cultural interaction, Chinese myth-making, Chinese ideas reception, intercultural dialogue.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Бабушкина, 129-401, тел.: 8(3022)320301, e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of philosophy Trans-Baikal state university, 129- 401, Babushkina St., Chita , 672039, tel.: 8 (3022)320301, e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Жукова Елена Алексеевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научно-образовательный музейный центр, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30, Общий отдел, НОМЦ, тел.: 8(3952)334372, e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Zhukova Alena Alekseevna – Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Research Fellow, Research and Education Museum Center, Zabaikalsky State University, 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, tel.: 8(3952)334372, e-mail: kazarbina_a@mail.ru